

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

*Ю.А. НИСНЕВИЧ***Восстание советских масс:
политико-антропологический анализ**

Статья посвящена политико-антропологическому анализу феномена “восстание советских масс” как результата революции начала 1990-х гг. в СССР, освободившей общество от советских партийно-государственных оков. Восстание советских масс — это и выход масс на авансцену общественно-политической жизни постсоветской России, и вертикальное вторжение советской номенклатуры в публичную власть нового государства. Представлен сравнительный анализ онтологических черт “человека массы” Х. Ортеги-и-Гассета и “простого человека советского”. Показано, что составивший подавляющее типологическое большинство во всех правящих и управляемых социальных слоях и группах “человек советский”, приверженный государственно-патерналистской ориентации, имперскому синдрому и персонифицированному восприятию власти, стал одним из определяющих политических акторов. Это создало благоприятные социальные условия для развития постреволюционного политического процесса не по пути к демократии, а в направлении формирования персонифицированного неавторитарного режима корпоративистского типа.

Ключевые слова: восстание масс, советский простой человек, номенклатура, политико-антропологический анализ.

В начале 90-х гг. XX в. в СССР произошла революция, которая по характеру ее движущих сил определяется как номенклатурно-демократическая [Нисневич 2007, с. 220]. Ее движущими силами выступили, с одной стороны, сравнительно небольшая, демократически настроенная часть советского общества, а с другой — та часть советской партийно-хозяйственной номенклатуры, которая в результате геронтологического окостенения партийной иерархии утратила возможности быстрого карьерного роста. Следует отметить, что эта революция представляла собой типичную революцию “ненасильственного сопротивления” [Шарп 2012, с. 10] и стала одной из первых в ряду получивших название в публицистике “цветных революций”, волна которых катится по миру с конца XX в.

В результате революции 1990-х гг. на карте появилось новое государство — Российская Федерация, постсоветская Россия. Конституция, принятая в 1993 г., установила правовые основы новой политической власти в обществе и новые политические и государственные институты, что характерно для революционных преобразований. Однако революция не привела к кардинальной смене правящего социального слоя, в результате чего достаточно быстро произошла регенерация номенклатуры, которая хотя и приобрела определенные институциональные отличия, став уже постсоветской и российской, но по онтологическим свойствам представляет собой прямую наследницу советской партийно-хозяйственной номенклатуры [Нисневич 2015]. Поэтому

Нисневич *Юлий* *Анатольевич* — доктор политических наук, профессор департамента политической науки Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д.20.

E-mail: jnisnevich@hse.ru.

постреволюционный политический процесс и стал развиваться по траектории, которая привела к формированию в качестве правящего политического режима персонализированного неоавторитарного режима корпоративистского типа¹.

Политологическое исследование, позволяющее получить ответ на вопрос, как и в какой мере общество нового российского государства причастно к такому развитию событий и к формированию именно такого правящего политического режима, в настоящее время поддерживаемого значительным числом российских граждан, представляется актуальным и важным. В качестве методологической основы такого исследования используется метод политико-антропологического анализа, составляющий компонент социально-антропологического подхода, акцентированного на выявление влияния “антропологической картины общества” [Левада 2004] на политический процесс.

Отправной точкой анализа должно служить определение понятия “революция”. Однако, как это традиционно для политической науки, не существует ни общепризнанного определения этого понятия, ни его общепризнанного современного смыслового наполнения [Шульц 2014; Революция... 2015]. Для данного исследования в качестве определения понятия “революция” было принято определение, которое в рамках теории революции четвертого поколения предложил Дж. Голдстоун: “Революция — это попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституциональными действиями, которые подрывают существующую власть” [Голдстоун 2006, с. 61]. Из этого определения в качестве ключевого феноменологического объекта исследования можно выделить “мобилизацию масс”, которая в классовом определении революции Т. Скокпол [Skocpol 1979] обозначается как “восстание масс” и включает мобилизацию масс как на свержение прежнего режима, так и на формирование нового.

Термин “восстание масс” восходит к известной одноименной работе Х. Ортеги-и-Гассета [Ортега-и-Гассет 2003]. И хотя в ней такой феномен исследовался в ином, чем конкретные революционные события смены политической власти и институтов, контексте, социально-антропологический анализ с политическим акцентом, использованный в ее первой части, был выбран в качестве “методологической рамки”, а результаты такого анализа — в качестве “системы координат” исследования влияния антропологической картины общества накануне и в ходе революции 1990-х гг. на политический процесс.

Человек массы

Восстание масс, которое произошло в Европе в начале XX в., по мнению Ортеги-и-Гассета, стало возможно благодаря таким трем факторам, как “либеральная демократия, экспериментальная наука и промышленность”, из которых два последние “можно объединить в одно понятие — техника”, так как именно эти факторы создали “новое сценическое пространство для существования человека” [Ортега-и-Гассет 2003, с. 55]. В процессе восстания масс, отмечает Ортега-и-Гассет, “можно выделить два момента: во-первых, сегодня массы достигли жизненного уровня, подобного тому, который прежде казался предназначенным лишь для немногих; во-вторых, массы вышли из повиновения, не подчиняются никакому меньшинству, не следуют за ним и не только не считаются с ним, но вытесняют его и сами его замещают” [Ортега-и-Гассет 2003, с. 25]. Таким образом, можно говорить о том, что в результате восстания масс произошел слом иерархического построения социальной структуры общества, массы вышли на авансцену и стали играть определяющую роль как в социальной, так и в политической жизни общества. Этот факт Ортега-и-Гассет оценил критически, исходя

¹О современных неоавторитарных политических режимах см. [Нисевич 2017].

из того, что “масса, по определению, не должна и не способна управлять собой, а тем более обществом” [*Ортега-и-Гассет* 2003, с. 15].

Роль и место массы в обществе и содержательный смысл этого понятия он определил следующим образом: «Общество всегда было подвижным единством меньшинства и массы. Меньшинство — это совокупность лиц, выделенных особыми качествами; масса — не выделенных ничем... Масса — это “средний человек”... Масса — всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой меркой, а ощущает таким же, “как все”, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью... Обычно, говоря об “избранном меньшинстве”, передергивают смысл этого выражения, притворно забывая, что избранные не те, кто кичливо ставит себя выше, но те, кто требуют от себя больше, даже если требование к себе непосильно... Таким образом, деление общества на массы и избранные меньшинства типологическое и не совпадает ни с делением на социальные классы, ни с их иерархией» [*Ортега-и-Гассет* 2003, с. 17–20]. И при этом принципиально важно, что “внутри любого класса есть собственные массы и меньшинства”.

Здесь следует отметить, что представление структуры общества как совокупности масс и избранных меньшинств может служить обоснованием предложенного Р. Далем подхода к современной представительной демократии как к демократии полиархической в смысле “власти многих” [*Даль* 2000, с. 90].

Анализируя сущность человека массы в контексте трансформаций антропологической картины общества, происходящих в процессе и в результате восстания масс, Ортега-и-Гассет выделил ряд онтологических черт такого типа человека. Прежде всего, человек массы по своей сути не просто безлик и зауряден, но “доволен собственной неотличимостью”, тем, что он “такой же, как все”. Эти черты человека массы носят достаточно агрессивный характер вплоть до проявления нетерпимости к любой инаковости. “Особенность нашего времени в том и состоит, что заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду... Масса сминает непохожее, недюжинное и лучшее” [*Ортега-и-Гассет* 2003, с. 22].

В качестве “осей координат массовой души” Ортега-и-Гассет обозначает две черты психологического портрета человека массы: безудержная экспансия собственной натуры и врожденная неблагодарность. И обе эти черты “рисуют знакомый душевный склад — избалованного ребенка”, которому “все дозволено и ничего не обязательно” и который “начинает верить, что существует только он, и привыкает ни с кем не считаться, а главное — никого не считать лучше себя” [*Ортега-и-Гассет* 2003, с. 57].

Таким образом, к портрету человека массы добавляются такие черты, как вседозволенность и самодостаточность. Человек массы “не станет считаться ни с чем, помимо себя, пока нужда не заставит”, он доволен собой, и в своем самодовольстве “стремиться утвердить и навязать себя — свои взгляды, вожеления, пристрастия, вкусы и все, что угодно” [*Ортега-и-Гассет* 2003, с. 61]. «В социальном плане психологический строй этого новичка [человека массы] определяется следующим: во-первых, подспудным и врожденным ощущением легкости и обильности жизни, лишенной тяжких ограничений, и, во-вторых, вследствие этого — чувством собственного превосходства и всесия, что, естественно, побуждает принимать себя таким, каков есть, и считать свой умственный и нравственный уровень более чем достаточным... Привычка ощущать превосходство постоянно бередит желание господствовать. И массовый человек держится так, словно в мире существует только он и ему подобные, а отсюда и его третья черта — вмешательство во все, навязывая свою убогость бесцеремонно, безоглядно, безотлагательно и безоговорочно, то есть в духе “прямого действия”» [*Ортега-и-Гассет* 2003, с. 91–92].

Среди “коренных свойств массовой души” Ортега-и-Гассет называет также косность и нечувствительность, природную неспособность массы “понять что-либо выходящее за ее пределы, будь то события или люди”. Обусловлено это тем, что “массовое мышление — это мышление тех, у кого на любой вопрос заранее готов ответ, что не составляет труда и вполне устраивает”. И косность человека массы проецируется

на политику — “политическая косность не была бы так тяжела, если бы не проистекала из более глубокой и существенной косности — интеллектуальной и нравственной” [Ортега-и-Гассет 2003, с. 64, 61, 65].

Оценивая цивилизационные перспективы восстания масс, Ортега-и-Гассет отмечает, что оно “в итоге может открыть путь к новой и небывалой организации человечества, но может привести к катастрофе”. При этом основную угрозу он видел в том, что “власть в обществе захватил новый тип человека, равнодушный к основам цивилизации”. И более того, в том, «что восстание масс и есть то самое, что Ратенау назвал “вертикальным вторжением варваров”» [Ортега-и-Гассет 2003, с. 75, 77, 52].

Если исходить из понимания политики как неотъемлемой составляющей цивилизации, то можно говорить и о том, что в результате восстания масс происходит “вертикальное вторжение варваров” в политику. По мнению Ортеги-и-Гассета, возникающие в результате такого вторжения политические режимы представляют собой “политический диктат масс”. “Сегодня мы видим торжество гипердемократии, при которой масса действует непосредственно, вне всякого закона, и с помощью грубого давления навязывает свои желания и вкусы... Она убеждена, что вправе давать ход и силу закона своим трагичным фантазиям” [Ортега-и-Гассет 2003, с. 21].

Главная политическая угроза, которую “политический диктат масс” создает для цивилизации, считает социолог, — это “полностью огосударствленная жизнь, экспансия власти, поглощение государством всякой социальной самостоятельности, словом — удушение творческих начал истории, которыми в конечном счете держатся, питаются и движутся людские судьбы”. И эта угроза исходит из отношения человека массы к государству, которое выражается в том, что “если в жизни страны возникнут какие-либо трудности, конфликты, проблемы, массовый человек постарается, чтобы власти немедленно вмешались и взяли заботу на себя, употребив на это все свои безотказные и неограниченные средства” [Ортега-и-Гассет 2003, с. 112].

С другой стороны, “когда у массы возникнут затруднения или просто разыграются аппетиты, она не сможет не поддаться искушению добиться всего самым верным и привычным способом — без усилий, без сомнений, без борьбы и риска, — одним нажатием кнопки пустив в ход чудодейственную машину [государство]”. Парадоксальность и трагичность пути огосударвленного общества, писал Ортега-и-Гассет, состоит в том, что “оно создает государство как инструмент, облегчающий жизнь. Потом государство берет верх, и общество вынуждено ради него жить... Вот итог огосударственности — народ идет в пищу машине, им же и созданной” [Ортега-и-Гассет 2003, с. 113, 114].

Очевидно, что между человеком массы и порождаемым им тотальным государством существует неразрывная взаимосвязь. С одной стороны, человек массы подвержен этатистскому пониманию государства как высшего результата и цели общественного развития и порождает всепроникающее, тотальное государство под популистскими лозунгами, подобными тому, который провозглашал Б. Муссолини: “Все для государства, ничего кроме государства, ничего против государств!” [Ортега-и-Гассет 2003, с. 114]. С другой стороны, тотальное государство, опираясь на различные идеологии, проповедующие этатизм, формирует человека массы посредством государственно-властного принуждения. В частности, в качестве такой идеологии Ортега-и-Гассет указал фашизм, являющийся “типичной доктриной массового человека”. При этом он предостерегает от диктата масс, который может принудить государство “упразднить свободу личности и тем окончательно погасить надежду на будущее” [Ортега-и-Гассет 2003, с. 115].

Человек советский

Революция 1990-х гг. разрушила советскую партийно-государственную систему, которая целенаправленно сковывала общество “идеологической дрессурой”. Данная система после “завершения серии исторических переворотов 1914—1917—1921 гг.”, используя «человеческий, “антропологический” результат этого мучительного процесса — массового, маргинального, отчаявшегося и вкусившего крови человека без

моральных и культурных берегов»², начала посредством идеологического диктата и государственно-властного принуждения формировать “нового человека”, который впоследствии получил «кодово-песенное наименование “советского простого человека”», с целью превратить его в “винтик” для удержания и расширения своей власти [Левада, Ноткина 1989]. При этом “новый человек” противопоставлялся “всему прошлому, настоящему и будущему человечества” [Советский... 1993, с. 6], воспитывался в духе неприятия основ современной цивилизации.

В предлагаемом исследовании предмет анализа — не почти семидесятилетний процесс формирования советского человека, а его результаты, достигнутые в преддверии революции 1990-х гг. Эта революция, сбросив с общества оковы советской партийно-государственной системы, предоставила советским массам именно в том виде, в котором они сформировались к этому моменту, возможность выйти на авансцену и начать играть определяющую роль как в социальной, так и в политической жизни, создала условия для “восстания советских масс”.

Принципиально важно отметить, что советские массы не были активными участниками предреволюционных и революционных событий, а занимали преимущественно выжидательную позицию, позицию стороннего наблюдателя. При этом результаты исследования ВЦИОМ в июле 1991 г. накануне “августовского путча” показали: руководство СССР не доверяют 55,1%, ухудшения ситуации в области экономики ожидают 62,6%, а в области политической жизни — 44% советских граждан (<http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=12&en=0>).

Главными действующими лицами революционного протеста стали люди “избранного меньшинства” в интерпретации этого понятия Ортегой-и-Гассетом. Основу такого меньшинства составляли люди среднего возраста, в основном проживавшие в двух столицах и крупных научно-промышленных центрах. Они, как правило, находились уже на подъеме или даже на вершине доступной им при советской системе профессиональной карьеры, но были советскими романтиками, готовыми ради “всеобщего светлого будущего” неограниченно тратить свои силы и время на митинговую стихию даже в ущерб карьерному росту. Эти пассионарии, единые в своем революционном порыве, сплотились в общем стремлении разрушить советский забор, за которым должна была находиться, правда, не очень понятно какая, но непременно лучшая жизнь для всех [Нисевич 2013]. Поэтому “восстание советских масс” — не их революционный порыв с целью ниспровержения советского режима, а их высвобождение от гнета этого режима при в большей мере пассивном, чем активном участии самих масс. Эмпирической базой для анализа феномена “восстания советских масс” и его главного действующего лица — “человека советского” служат результаты исследований по проекту “Человек советский”, включавшему последовательность эмпирических опросных исследований ВЦИОМа под руководством Ю. Левады раз в пять лет в 1989, 1994, 1999 и 2003 гг. [Левада 2004], продолженных затем Левада-Центром, а также результаты дополняющих этот проект предметно-ориентированных опросов.

Основной интерес в контексте решаемой исследовательской задачи представляют результаты первого этапа проекта “Человек советский” и сопутствующих опросов, полученных в период 1989–1992 гг., то есть в период “кризиса и крушения институциональных структур советского общества” [Советский... 1993, с. 5]. Результаты этого этапа позволяя выделить ряд онтологических черт человека советского, оформившихся в период так называемого “развитого социализма”, и в некоторой степени проследить их динамику в процессе революционных преобразований.

Прежде всего необходимо отметить, что по результатам исследований 1989 г. 63% русских, проживавших в советской России, считали себя гражданами СССР и только

²Такого массового человека русский философ С. Булгаков описал следующим образом: «...“товарищи” кажутся мне иногда существами, вовсе лишенными духа и обладающими только низшими душевными способностями, особой разновидностью дарвиновских обезьян — *homo socialisticus*» [Булгаков 1918]. Термин Булгакова “*homo socialisticus*” позднее трансформировался в широко известный термин “*homo sovieticus*”.

25% — гражданами РСФСР (более высокий результат показали только белорусы — 70%) [Советский... 1993, с. 22]. При этом, по результатам исследований 1994 г., 35% граждан уже постсоветской России по-прежнему постоянно чувствовали себя людьми советскими, а в отдельных ситуациях таковыми чувствовали себя еще 23% [Левада 2011, с. 67]. Эти данные показывают, что и для самого объекта политико-антропологического анализа в рассматриваемые периоды доминирующей была самоидентификация как человека советского.

Обобщающей для человека советского служит его характеристика как “человека простого”. Эта характеристика «обладает сложным набором взаимосвязанных значений: массовидный (“как все”), деиндивидуализированный, противопоставленный всему элитарному и своеобразному, “прозрачный” (то есть доступный для контроля сверху), примитивный по запросам (уровень выживания), созданный раз и навсегда и далее неизменный, легко управляемый (на деле, подчиняющийся примитивному механизму управления)» [Советский... с. 8]. Из приведенного содержательного наполнения характеристики “человек простой” следует, что ряд онтологических черт человека советского идентичен чертам человека массы Ортеги-и-Гассета, но имеются и заметные отличия.

Простота человека советского, в первую очередь, означает его “массовидность”, то есть принадлежность к массе, а не к меньшинству. А это, как и для человека массы, означает быть “как все”, жить по принципу “не выделяться”, быть довольным своей неотличимостью и противостоять элитарности. При этом важно отметить, что в советской интерпретации «требование “быть как все”... не означает коллективности или сплоченности, это лишь ориентация на всеобщее усреднение» [Советский... 1993, с. 24]. “Коллектив” в условиях советской партийно-государственной системы — “это горизонтальная структура равных в их зависимости от власти и сплоченных этими властными отношениями”, а с точки зрения власти «коллектив — это “нижнее”, абсолютно необходимое и вполне надежное звено в единой системе управления» [Советский... 1993, с. 63].

«Массовидность» как ключевая черта человека советского была порождена и возвращена советской партийно-государственной системой. Это человека советского «приучали (и приучили!) равняться на “всех”, на молчаливо послушное или по приказу беснующееся большинство, довольствоваться минимально малым во всем, уповать на милостивую заботу власти и ненавидеть любых возмутителей спокойствия, всех, кто “гонит волну”. Его научили отречься от родных, близких и самого себя. Его научили трепетать и шагать в ногу. Его закаляли в огне и воде, не говоря уже о “медных трубах»» [Левада, Ноткина 1989]. Основа “массовидности” — это “слабость, неразвитость, подавленность индивидуального начала в человеке и общественном самосознании. Индивид беспомощен, масса могущественна. Большинство всегда право. Общественные интересы выше личных. Нельзя перечить коллективу. Человек принадлежит обществу...” [Левада, Ноткина 1989].

Живущий по принципу “не выделяться”, простой советский человек не приемлет элитарность, сопряженную с индивидуализмом, так как для него «самым страшным из смертных грехов неизменно считался “индивидуализм”, иначе говоря, любая попытка сознавать себя свободным и ответственным человеком» [Левада, Ноткина 1989], то есть стремление стать человеком избранного меньшинства в интерпретации Ортеги-и-Гассета.

Идеологическое клише “советский человек — простой человек” представляет собой “символ противопоставления всему чуждому миру (включая и внутренний мир человека)” [Советский..., с. 24]. Такое противопоставление, так же как и у человека массы, носит агрессивный характер вплоть до проявления нетерпимости к любой инаковости, но при этом выражается в еще более жестких формах. Для человека советского “чужое всегда означает чуждое, а чуждое — враждебное” [Левада, Ноткина 1989], и следовательно, порождает агрессивную реакцию. Барьер между “своим” и “чужим” (или “чуждым”) проходит у человека советского через все сферы социального

существования — от межгосударственных до межличностных. «Будучи признанным (в том числе и на уровне социальной личности), этот барьер трансформировался в средство универсального структурирования мира по самому примитивному из принципов социального мировоззрения: принципу противопоставления “нашего” — “чужому”» [Советский... 1993, с. 12].

Для человека советского мир предельно прост и понятен, он разделяется на “мы” и “они”. Такая устойчивая установка враждебности ко всему чужому и чуждому представляет собой “удобную платформу для ксенофобии, для завистливой подозрительности по отношению к иностранцам, инородцам и инакомыслящим”. Но при этом «главным острием вся эта система ненависти все же направлена вовнутрь, на “своих”... наказать всякого, кто “не по чину” выдвинулся, “окоротить” того, кто слишком учен, богат, ловок» [Левада, Ноткина 1989].

Человек советский привержен эгалитаризму, и сам определяет свое положение на гипотетической лестнице социальных статусов как среднее и ниже среднего. Так в 1989 г. 69% опрошенных располагали себя на третьей-шестой ступенях “общественной лестницы” (где 1 — нижняя ступень, 11 — верхняя), и в 1991 г. таких было почти столько же — 72% с некоторым смещением такого распределения, весьма близкого к распределению по уровням материального достатка, в сторону нижних ступеней [Советский... 1993, с. 19].

В рамках советской партийно-государственной иерархии эгалитаризм как «привычный принцип самосохранения человека в ситуации, где всякий признак успеха, таланта и просто усердия “не в меру” скорее становится поводом для подозрительности, чем для возвышения» [Советский... 1993, с. 25], носил специфический иерархический характер. Иерархический эгалитаризм представлял собой «вполне практический эгалитаризм, который отвергает лишь то неравенство, которое не соответствует принятой иерархии: “незаслуженные” привилегии и “нетрудовые” (то есть не узаконенные тарифной сеткой и массовой привычкой) доходы. За гранью допустимого оказываются в таком случае, во-первых, плоды всякого неординарного труда и таланта, а во-вторых, доходы от собственности и экономических услуг, в-третьих, “слишком большие” привилегии людей “недостаточно” высокого статуса» [Советский... 1993, с. 19].

Такой эгалитаризм зиждился и приводился в действие специфическим отношением человека советского к окружающим. Если для открытого, достигательного эгалитаризма характерна “белая” зависть к чужим успехам, то для закрытого, иерархического — “черная”, выражаемая формулой “всем должно быть одинаково плохо”. И такое “завистливое озлобление против тех, кто слишком инициативен, самостоятелен, кто слишком много получает, — живое и живучее наследие этого въевшегося в плоть и кровь стандарта мышления и поведения” [Левада, Ноткина 1989].

С разрушением в 1991 г. советской партийно-государственной системы и ликвидацией ее иерархического стержня — КПСС была утрачена и иерархическая основа советского общества, а соответственно, и присущего ему иерархического характера эгалитаризма. Однако эгалитаризм как таковой сохранился в качестве онтологической черты человека советского и в условиях постсоветской России, но так и не приобрел достигательного характера. Косное и самодостаточное большинство советских людей, приученных к пассивности, быть “как все”, не выделяться и уповать на власть, осталось приверженным эгалитаризму по-советски как “равенству в нищете”. Так, в 1989 г. иметь без особых усилий небольшой заработок предпочитали 54% респондентов, а в 1994 г. количество таких респондентов увеличилось до 58%, в то время как количество тех, кто предпочитали много работать и хорошо зарабатывать, за этот же период уменьшилось с 27% до 23%, не говоря уже о тех, кто рискнули бы иметь собственное дело — 9% и 6%, соответственно [Левада 2011, с. 58]. В продолжение этой тенденции Левада в 2004 г. отметил: “А прошло пару лет, и когда людей спрашивают, на каком предприятии они хотели бы работать: на зарубежном, смешанном или частном — они отвечают, что лучше всего на государственном и советском. Почему? Потому что

спокойнее: дают мало и требуют мало. И вообще, так привычно” [Левада 2004]. И при этом не только сохранилось, но, как представляется, еще и заметно усилилось такое “живое и живучее наследие” советского стандарта мышления и поведения, как “черная”, злобная зависть к чужим успехам.

Еще одной онтологической чертой человека советского, которая заметно отличает его от человека массы Ортеги-и-Гассета и определяет его социальную логику как логику приспособляемости, служит лукавство, двусмысленность. Или, как определил этот феномен Дж. Оруэлл, — двоемыслие: “Зная, не зная; верить в свою правдивость, излагая обдуманную ложь; придерживаться одновременно двух противоположных мнений, понимая, что одно исключает другое, и быть убежденным в обоих; логикой убивать логику; отвергать мораль, провозглашая ее; полагать, что демократия невозможна и что партия — блюститель демократии; забыть то, что требуется забыть, и снова вызвать в память, когда это понадобится, и снова немедленно забыть...” [Оруэлл 1989, с. 41—42].

Человек советский использует сформировавшуюся для выживания и самосохранения в условиях советского режима устойчивую систему двойных стандартов, в которой «просто не действовал критерий истины, а поступки оценивались по тому, что “надо” и “не надо”» [Левада, Ноткина 1989]. При этом в советской партийно-государственной системе «признание двойного стандарта истины — “правильного” и “полезного”» служило одной из важнейших позиций государственной лояльности [Советский... 1993, с. 40].

В такое двоемыслие укладывается, с одной стороны, демонстративная приверженность человека советского обязательному для всех “равенству в нищете”. А с другой — публично не афишируемое безудержное, особенно в период “развитого социализма”, стремление получать для себя лично как можно больше материальных благ и привилегий, причем, как и для человека массы, все и сразу, не прикладывая собственных усилий, а исключительно за счет государства.

В этом проявляется еще одна фундаментальная черта человека советского — его “государственно-патерналистская ориентация”, в рамках которой государство воспринимается как “некий суперинститут, всеобщий, универсальный как по своим функциям, так и по своей сфере деятельности” [Советский... 1993, с. 15—16]. Государство рассматривается как источник всех благ, а главная обязанность власти — забота и обеспечение повседневной жизни людей. Так, по данным опроса 1990 г., 58% респондентов считали, что “государство должно больше заботиться о людях”, и только 23% — что “не государство, а сами люди должны проявить инициативу и позаботиться о себе” [Советский... 1993, с. 62].

Государственно-патерналистская ориентация человека советского — продукт специфического патернализма советской партийно-государственной системы. Эта система, действующая по принципу “стационарного бандита” М. Олсона [Олсон 2012, с. 33—39], распределяла среди основной массы советских людей и материальные средства на уровне прожиточного минимума, и пропагандируемое как “бесплатное”, а реально финансируемое за их же счет, социальное обеспечение. И параллельно для массы правящей номенклатуры была создана система особых материальных и социальных льгот и привилегий. Благодаря такой системе, роль “среднего класса” как бы исполняла масса “средней номенклатуры”, но «с характерной поправкой: отстаивая, по видимости, консервативные ценности, этот слой, во-первых, склонен удовлетворяться минимумом, во-вторых, занимает место не в системе стратификации общества, но в иерархии руководящих постов, а потому, — в-третьих, понимает, что обязан своим положением не собственным усилиям, а “заботе” государства, почему и выступает в наших условиях опорой патерналистских функций и установок власти» [Советский... 1993, с. 55]. Действительно, по данным опросов 1989—1991 гг., те, кто относили себя к “среднему” и “высшему” социальным слоям, свое отношение к государству как к источнику благ выражали следующим образом: 35% и 30% — “мы должны помочь государству, даже идя на жертвы”, 32% и 27% — “мы должны стать свободными, заставив

государство служить нам” и 12% и 18% — “государство дает немало, но можно требовать большего”, и при этом 24% и 34% считали, что “нашему народу постоянно нужна сильная рука”.

Советский патернализм породил у человека советского “инфантилизм, самосознание подростка, недоросля” [Советский... 1993, с. 16]. Но инфантилизм не “избалованного ребенка”, как у человека массы, а инфантилизм закомплексованного подростка, зажатого жестоким родительским обращением. Такой подросток, с одной стороны, воспринимает все, что он имеет, как результат родительской благосклонности, а с другой — приспосабливается и хитрит, чтобы избежать наказания, которое может последовать по поводу и без как превентивное. При этом он готов проявить себя исподтишка и “насолить” окружающим по принципу “назло бабушке отморожу уши”.

Таким образом, в постсоветской России, образовавшейся после распада в 1991 г. СССР, преобладающее во всех социальных и профессиональных слоях и группах типологическое большинство на тот исторический момент составили люди типа “человек советский” государственно-патерналистской ориентации. Этот тип в значительной мере соответствует типу “человек массы”, описанному Ортегой-и-Гассетом, для которого характерны: безликость, желание не выделяться и быть “как все”; агрессивная нетерпимость ко всякому, кто выделяется и отличается, к людям инициативного меньшинства и индивидуализму; косность, обусловленная заранее готовыми простыми ответами на любой вопрос; пассивная самодостаточность в сочетании с чувством превосходства и желанием навязать всем свои примитивные идеи и желания; равнодушные и пренебрежение к основам современной цивилизации; вседозволенность и неуемное стремление к материальным благам, которые должны быть получены “здесь и сейчас” посредством чудодейственной машины государства. При этом человека советского также отличают: приспособляемость, основанная на двоемыслии по Оруэллу; примитивное мировоззрение, исходя из принятого у военных принципа распознавания “свой” — “чужой”; приверженность эгалитаризму по-советски как “равенству в нищете”, порождающему “черную” злобную зависть к окружающим; поведенческий стереотип закомплексованного недоросля, а еще отмеченный в исследовании “Человек советский” имперский характер самоопределения (имперский синдром) [Советский... 1993, с. 21].

Человек советский и власть постсоветской России

Революция 1990-х гг., разрушившая советскую партийно-государственную систему, предоставила человеку советскому со всеми его характерными чертами возможность выйти на авансцену общественно-политической жизни в постсоветской России и выступить определяющим актором политического процесса. И после распада СССР с декабря 1991 г. человек советский *de facto* сбросил партийно-государственные оковы советской системы и вышел на российскую политическую сцену как подавляющее типологическое большинство российского общества, которое стало если не диктовать свои условия новой власти, то, во всяком случае, оказывать на нее давление, с которым власть вынуждена была считаться.

Доминирующими чувствами “восставших” советских масс по отношению к институтам российской власти стали недоверие и недовольство их работой. Так, по результатам исследований, которые проводились ВЦИОМ в 1990–1993 гг. (<http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=12&en=0>), количество тех, кто вполне доверяли Верховному совету РФ в период 1992–1993 гг., колебалось в пределах 4,5–10,6%. При этом следует отметить, что и избранному в декабре 1993 г. новому парламенту России — Федеральному собранию — сразу же после его избрания вполне доверяли всего 8,9% респондентов. В этот же период правительству России вполне доверяли всего на 2–3% больше, и уровень доверия этому институту изменялся в пределах 5–13,6%. Количество тех, кто оценивали деятельность президента России как положительную и выше среднего

значения (5 по 10 балльной шкале), с 40,6% в феврале 1992 г. с заметными колебаниями упало до 17,5% в декабре 1993 г.

Такое отношение к институтам государственной власти имело место прежде всего вследствие неудовлетворенности советских масс своей жизнью. Как показывают результаты исследования “Факт”, в период 1992—1993 гг. количество тех, кого вполне или по большей части устраивала их жизнь, составляло всего 6—12%. При этом тремя наиболее волнующими общество проблемами в течение всего этого периода были: рост цен, рост числа уголовных преступлений и угроза безработицы, оценки значимости которых ближе к концу периода революционных потрясений в ноябре 1993 г. составляли, соответственно, 71,7%, 50,9% и 32% (<http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=12&en=0>).

Недоверие и недовольство институтами государственной власти естественным образом вытекали из государственно-патерналистской ориентации человека советского, при которой государство как “благодетеля не только благодарят — от него ждут, просят, требуют, его осуждают за неисполнение требований” [Советский... 1993, с. 17] и возмущаются, если оно “недостаточно заботится о народе”. Новая российская власть, которая еще недостаточно прочно укрепила свои позиции, вынуждена была искать сиюминутные решения для снижения давления недовольных советских масс, требовавших для себя быстрых и ощутимых результатов, но при этом не очень интересовавшихся, как и какими средствами власть может их обеспечить.

Показателем достаточно безразличного отношения советских масс к устройству российской власти могут служить результаты референдума по проекту Конституции Российской Федерации, который состоялся 12 декабря 1993 г. (http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/referendum/1993_ref_itogi.html). На этот референдум пришли чуть более половины (54,8%) всех граждан, имеющих право голоса, и при этом многие из них не по каким-либо идейным соображениям, а в силу традиционной советской привычки ходить на все выборы как на обязательный праздник. За новое демократическое устройство государства и системы власти высказались менее одной трети (31%) от общего числа избирателей, а против — меньше одной четверти (22%). Но больше всего (47%) было тех, кто не выразил никакого мнения по этому ключевому для постсоветской России вопросу.

Более того, на выборах в новый российский парламент — Федеральное собрание, которые состоялись в тот же день 12 декабря, советские люди практически проявили себя как закомплексованный недоросль. Они решили демонстративно “насолить” власти, вызывающей их недовольство, и отдали при голосовании за партийные списки кандидатов в депутаты Государственной думы большего всего голосов (22,92%) партии В. Жириновского (http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1993/1993_itogi_FS_obshefed_okrug.html). И это притом, что по результатам исследования “Факт”, полученным накануне выборов в ноябре 1993 г., только 8,2% респондентов выразили уверенность, что в случае победы на выборах эта партия обеспечит социальную защиту населения, и еще меньше — 7,5%, что она обеспечит мир и согласие в стране, а также 7,1% — что сможет стабилизировать положение в экономике (<http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=12&en=0>).

Эти результаты показывают, что голосование за партию Жириновского по своему социально-психологическому типу родственно подростковому протесту. А прозвучавшее по телевидению в ночь выборов знаменитое восклицание публициста Ю. Карякина “Россия! Одумайся, ты — одурела” не только ярко выразило реакцию демократического меньшинства на поведение восставших советских масс, но и свидетельствовало о непонимании того, что такое поведение вполне адекватно и нормально для человека советского.

В самом начале процесса формирования государственной власти постсоветской России, в том числе и под давлением недовольных советских масс, было принято сиюминутное политическое решение, которое имело определенное тактическое обоснование, но в долгосрочной перспективе принесло негативные последствия как в смысле

качества российской публичной власти, так и в целом постреволюционного политического процесса. Это решение заключалось в том, что практически все органы и структуры российской публичной власти были сразу же укомплектованы чиновниками, ранее работавшими в партийно-государственном аппарате СССР и РСФСР [Нисневич 2007]. Обосновывалось это тем, что такие чиновники лучше всех знают прежнюю хозяйственную систему и потому способны быстро включить в работу российские структуры государственного управления, а также установить отношения с вырвавшимися из-под их же пресса советскими массами. При этом не учитывалось, что профессионализм “специалистов” из советской партийно-хозяйственной номенклатуры состоял прежде всего во владении методами бюрократического делопроизводства, кулуарного принятия решений, а также приемами аппаратных интриг.

Такое решение инициировало следующий этап восстания советских масс, а именно — “вертикальное вторжение варваров”, по выражению Э. Ратенау [*Омега-и-Гассет* 2003, с. 52], в систему публичной власти постсоветской России в лице советской номенклатуры, подавляющее типологическое большинство которой также составлял “человек советский”. Но при этом такая его разновидность (в силу исходной принадлежности господствовавшему в СССР социальному слою — номенклатуре, которая в еще большей степени была привержена государственно-патерналистской ориентации и имперскому синдрому, а также персонифицированному восприятию власти. Естественно, что в силу присущих ей онтологических черт (политическая косность, ограниченная самодостаточность и агрессивное неприятие всего чуждого и неординарного при стремлении любыми средствами захватить кнопку управления “чудодейственной машиной государства”) советские люди из номенклатурной массы достаточно быстро, в основном уже к концу 1993 г., вытеснили из структур российской власти почти всех представителей демократического меньшинства, так называемых “демократов первой волны”, и практически полностью овладели всеми рычагами управления государством [Нисневич 2007, с. 227–228].

Таким образом, к концу периода революционных преобразований в постсоветской России сформировалась в основном гомогенная социальная среда, в которой человек советский составил подавляющее типологическое большинство как в управляющих, так и во всех управляемых социальных слоях и группах. При этом доминирующее большинство советских людей тяготело если и не к тотальному государству, но к государству как всезнающему и всеильному институту социального принуждения, было в существенной мере привержено наведению порядка “твердой” рукой, и в меньшей — демократии. Так, по результатам исследований, проведенных в июне 1992 г., 63% респондентов высказались за необходимость прежде всего наведения порядка и только 17% — за демократию [Советский... 1993, с. 94]. А результаты разнообразных последующих исследований показали, что к концу периода революционных преобразований сформировалась “российская политическая культура, создавшая благоприятные условия для развития авторитарной тенденции” [Сафронов 2007, с. 38].

* * *

Таким образом, в результате революции 1990-х гг., освободившей общество от оков советской партийно-государственной системы, в постсоветской России произошло восстание советских масс, их выход на авансцену общественно-политической жизни и вертикальное вторжение массы советской номенклатуры в публичную власть нового государства. Составивший подавляющее типологическое большинство во всех правящих и управляемых социальных слоях и группах, человек советский, приверженный государственно-патерналистской ориентации, имперскому синдрому и персонифицированному восприятию власти, реально стал одним из определяющих акторов политического процесса. Это создало благоприятные социальные условия для развития постреволюционного политического процесса не по пути к демократии, а в направлении формирования в качестве правящего в постсоветской России персонифицированного неавторитарного режима корпоративистского типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булгаков С.Н. (1918) На пиру богов. Про и contra. Современные диалоги // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Электронная библиотека “Веги” (<http://www.vehi.net/bulgakov/napirubogov.html>).
- Голдстоун Дж. (2006) К теории революции четвертого поколения. Логос. № 5 (56). С. 58–103.
- Даль Р. (2000) О демократии. М.: Аспект Пресс.
- Левада Ю.А. (2011) Сочинения: проблема человека. М.: Издатель Карпов Е.В.
- Левада Ю.А. (2004) “Человек советский” (<http://polit.ru/article/2004/04/15/levada>).
- Левада Ю.А., Ноткина Т.А. (1989) Мера всех вещей // В человеческом измерении: Выйти из королевства кривых зеркал. Демографический иск. Институты для людей или люди для институтов? Сборник / Под редакцией и с предисловием А.Г. Вишневого. М.: Прогресс. С. 11–24 (<http://www.agitclub.ru/gorby/homosovet/levada89.htm>).
- Нисневич Ю.А. (2007) Аудит политической системы посткоммунистической России. М.: Материк.
- Нисневич Ю.А. (2013) Протестное движение двадцать лет спустя: сравнительный социально-психологический анализ // Третья международная научно-практическая социологическая конференция “Продолжая Грушина”. 28 марта – 1 февраля 2013 г. – Материалы конференции. М.: ВЦИОМ. С. 51–53.
- Нисневич Ю.А. (2015) Регенерация номенклатуры как правящего социального слоя. Препринт WP/14/2015/03/. Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Нисневич Ю.А. (2017) Современный авторитаризм и коррупция. Мировая экономика и международные отношения. № 1. С. 94–106.
- Олсон М. (2012) Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство.
- Ортега-и-Гассет Х. (2003) Восстание масс. М.: АСТ.
- Оруэлл Дж. (1989) “1984” и эссе разных лет. М.: Прогресс.
- Революция как концепт и событие (2015) М.: ЦИУМиНЛ.
- Сафронов Вячеслав (2007) Отношение к демократии в России: конец эпохи Ельцина // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. № 3. С. 24–39.
- Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х (1993). Отв. ред. Ю.А. Левада. М.: Мировой океан.
- Шарп Д. (2012) От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство.
- Шульц Э.Э. (2014) Революция: к вопросу об определении термина // Социологические исследования. № 4. С. 132–142.
- Skocpol T. (1979) States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Revolt of the Soviet Masses: Politico-anthropological Analysis

*Yu. NISNEVICH**

**Nisnevich Yuliy – doctor of political sciences, professor, Department of Political Science, National Research University Higher School of Economics. Address: 20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: jnisnevich@hse.ru*

Abstract

The article is devoted to the political and anthropological analysis of the “revolt of the Soviet masses” phenomenon as a result of revolution of the early 1990’s in the USSR, which has freed society from the Soviet party and government fetters. The revolt of the Soviet masses made possible the forefront of public and political life in post-Soviet Russia, and enabled the vertical invasion of the Soviet nomenclature to

the public authority of the new state. A comparative analysis of ontological features of the Ortega y Gasset's "mass man" and "simple Soviet man" both were conducted. It's shown that the "Soviet man" who constituent the vast majority in the ruling and in the driven social strata and groups was committed to state-paternalistic orientation, imperial syndrome and personalized perception of power, has become one of the key political actors. This has created favorable social conditions for the development of post-revolutionary political process not on the path to democracy, but towards the formation of personalized neo-authoritarian regime of corporate type.

Keywords: revolt of the masses, simple Soviet man, nomenclature, political and anthropological analysis.

REFERENCES

- Bulgakov S.N. (1918) Na piru bogov. Pro i contra. Sovremennye dialogi [At the feast of the gods. Pro and contra. Modern dialogues]. *Iz glubiny. Sbornik statey o russkoy revolyutsii*. Moscow: Elektronnaya biblioteka Vebi (<http://www.vebi.net/bulgakov/napirubogov.html>).
- Goldstone J. (2006) K teorii revolyucii chetvertogo pokoleniya [To the theory of the fourth generation of the revolution]. *Logos*, no. 5 (56), pp. 58–103.
- Dahl R. (2000) *O demokratii* [On Democracy]. Moscow: Aspekt Press.
- Levada Yu. (2004) "Chelovek sovetskii" ["Homo sovieticus"] (<http://polit.ru/article/2004/04/15/levada>).
- Levada Yu. (2011) *Sochineniya: problema cheloveka* [Works: the problem of man]. Moscow: Izdatel Karpov E.V.
- Levada Yu., Notkina T. (1989) Mera vseh veschey [The measure of all things]. *V chelovecheskom izmerenii: Vityi iz korolevstva krivih zerkal. Demograficheskiy isk. Instituti dlya lyudey ili lyudi dlya institutov?* Pod redaktsiei i s predislaviem A.G. Vishnevskogo. Moscow: Progress, pp. 11–24 (<http://www.agitclub.ru/gorby/homosovet/levada89.htm>).
- Nisnevich Yu.A. (2007) *Audit politicheskoy sistemi postkommunisticheskoy Rossii* [An audit of the political system of post-communist Russia]. Moscow: Materik.
- Nisnevich Yu.A. (2013) Protestnoe dvizhenie dvadcat let spustya: sravnitelnyy socialno-psihologicheskii analiz [Protest movement twenty years later: comparative political and social analyses]. *Tretya mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya sociologicheskaya konferenciya Prodolzhaty Grushina. 28 marta – 1 fevralya 2013g. Materiali konferencii* [The third international scientific and practice sociological conference "Continuing Grushin: March 28 – February 1, 2013. Materials of the conference]. Moscow: VCIOM, pp. 51–53.
- Nisnevich Yu.A. (2015) *Regeneraciya nomenklatury kak pravyaschego socialnogo sloya* [Regeneration of the nomenclature as a ruling social class]. Preprint WP/14/2015/03/. Nacionalnyi issledovatel'skiy universitet Visshaya shkola ekonomiki [preprint WP/14/20/2015/03/. National Research University Higher School of Economics]. Moscow: Izdatelskiy dom Visshey shkoly ekonomiki.
- Nisnevich Yu.A. (2017) Sovremenniy avtoritarizm i korrupciya [Modern authoritarianism and corruption]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 1, pp. 94–106.
- Olson M. (2012) *Vlast i процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры* [Power and Prosperity. Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Ortega-i-Gasset J. (2003) *Vosstanie mass* [Revolt of the masses]. Moscow: AST.
- Orwell G. (1989) "1984" i esse raznykh let ["1984" and essays in different years]. Moscow: Progress.
- Revolyuciya kak koncept i sobitie: monografiya* [Revolution as a concept and an event: a monograph] (2015) Moscow: CIUMiNL.
- Safronov V. (2007) Otnoshenie k demokratii v Rossii: konec epohi Eltsina [Attitude to democracy in Russia: the end of the Yeltsin era]. *Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovikh issledovaniy*, no. 3, pp. 24–39.
- Sharp G. (2012) *Ot diktatury k demokratii: Strategiya i taktika osvobodzheniya* [From Dictatorship to Democracy. A Conceptual Framework for Liberation]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Shulz E.E. (2014) Revoluciya: k voprosu ob opredelenii termina [Revolution: the question of the definition of]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 132–142.
- Skocpol T. (1979) *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Sovetskii prostoy chelovek: opyt sotsialnogo portreta na rubezhe 90-kh (1993) [Ordinary Soviet man: an experience of the social portrait on the turn of the 90th]. Ed. by Yu. Levada. Moscow: Mirovoy ocean.